ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2016 №1

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2016 №1

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-66175 от 20.06.2016.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. Материалы публикуются в авторской редакции и отображают персональную позицию автора. Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в журнале. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Главный редактор:
Баринов Д.Н.

Редакционная коллегия:
Гаранина О.Д., доктор философских наук, профессор
Далингер В.А., доктор педагогических наук, профессор
Кондрашихин А.Б., доктор экономических наук, профессор
Океанова З.К., доктор экономических наук, профессор
Тужба Э.Н., доктор социологических наук, профессор

Издание основано в 2016 г.
Учредитель и издатель: ООО «НОВАЛЕНСО».
Периодичность выпуска – 12 номеров в год.

Адрес редакции:
Россия, 214038, г. Смоленск, ул. Кловская, 23-А, 63.
Тел.: +7 905 696-6338
Официальный сайт: www.naukavestnik.ru
E-mail: jour@nauko-sfera.ru

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47).084.8

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1941–1945 гг.

Ильин Е.В.
кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: *В статье рассмотрены вопросы отношения к военнопленным в 1941–1945 гг. Особое внимание акцентировано на положении советских военнопленных. Проанализированы ее конкретные направления, сознательно направленные на массовое истребление советских военнослужащих, оказавшихся в плену. Голод, отсутствие элементарных бытовых удобств, медицинской помощи, непосильный физический труд, издевательства и расстрелы являлись теми инструментами, которые должны были решить вопрос освобождения завоеванных территорий от недочеловеков — русских. Отмечено достаточно гуманное отношение советских военнослужащих к немецким военнопленным. В тоже время выделено корректное и уважительное отношение немецкой администрации лагерей к западным пленным, прежде всего, американским и английским.*

Ключевые слова: *Женевская конвенция, плен, советские военнопленные, голод, истребление, массовые казни, месть, Чрезвычайная Государственная Комиссия, И. Сталин, Красный Крест*.

The treating of the prisoners of war in 1941-1945

Il'in E.V.
PhD, Associate Professor,
Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Abstract: *The treatment of the prisoners of war (POW) is discussed in details. Special attention is given to the treatment of the soviet POWs and to the conditions of their keeping. The goal of these concentrations camps - the deliberate mass execution of Soviet prisoners — was achieved via several means which were analyzed in this article. Starvation, shoot down, harassment and torture, exhausting labor, lack of medical services and sufficient living conditions — these were the Nazi's tools to clear out the conquered territories from "subhuman" — Russians. On the contrary, the humane treatment of German POW's by the Soviet troops was documented. At the*

same time, it was noted that the German camp administration treated only the western prisoners, primarily American and British with respect.

Keywords: *the Geneva Convention, captivity, Soviet prisoners of war (POW), starvation, mass executions, vengeance, the Special State Commission, I. Stalin, the Red Cross*

Проблема плена одна из тех драматических тем, вокруг которой до последнего времени идут ожесточенные дискуссии. По германским данным в ходе войны в плену оказалось 5,75 млн военнослужащих Красной Армии, по советским — 4,59 млн человек. По сию пору жива легенда о том, что массовая гибель советских военнопленных в немецких лагерях связана с отказом И. Сталина подписать Женевскую конвенцию 1929 г. о пленных. Одним из вариантов отказа является утверждение о том, что И. Сталин боялся массовой сдачи красноармейцев в плен в случае начала войны.

Отметим, конвенций о пленных было две: первая — о содержании военнопленных; вторая — об улучшении участи раненых и больных военнопленных. Вторую конвенцию СССР подписал, о чем заявил 25 августа 1931 г. Народный комиссар по иностранным делам М.М. Литвинов. Первая конвенция подписана не была. Связано это было с причинами идеологического характера. Вместо нее был разработан и принят советский вариант «Положения о военнопленных». С началом войны многие из этих положений стали сближаться с положениями Женевской конвенции.

Проявив любопытство, посмотрим материалы Женевской конвенции о военнопленных. Статья 82 (Раздел VIII, отдел 1) гласит: «Если на случай войны одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее, положение таковой остаются обязательными для всех воюющих, конвенцию подписавших». Получается весьма интересная и занятная картина: И. Сталин, не подписавший конвенцию, оказался большим гуманистом, чем Гитлер, который ее подписал. В германском плену погибли 3,3 млн советских военнопленных (57,3%), вернулись домой 2 722 400 человек; советском плену погибли 442 100 немцев (14,9%), вернулись домой — 2 910 400 человек [1, с. 373].

Подчеркнем, наличие конвенций, подписанных или нет, мало что меняли в положении советских военнопленных. Еще на этапе подготовки войны политическое и военное руководство фашистской Германии разработало общие положения обращения с советскими военнопленными. В них говорилось о том, что советский солдат должен рассматриваться не только как военный, но и идеологический противник, являющийся смертельным врагом национал-социализма. «Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение с ним, как с честным солдатом в соответствии с Женевским соглашением». Отметим и другое, советские военнопленные изначально были обречены на гибель, поскольку они были «русскими», «советскими» — недочеловеками, которым, по расовой доктрине национал-

социализма, места на земле не было. Заметим, советские военнопленные единственные из всех военнопленных, кто подвергался клеймению, как клеймили скот, преступников. Это лишний раз говорит о том, что эта категория военнопленных была отнесена к недочеловекам-животным.

Истребление военнопленных Красной Армии начиналось сразу после их пленения. «Каждый раз перед этапом выстраивались с двух сторон конвоиры с палками, звучала команда: «Все бегом!» Толпа бежала и в это время на нас обрушивались удары. Прогон в один-два километра, и раздавалось: «Стой!» Задыхающиеся, разгоряченные, обливаясь потом, мы останавливались, и нас в таком состоянии держали на холодном пронизывающем ветру по часу под дождем и снегом. Эти упражнения повторялись несколько раз, в итоге на этап выходили самые выносливые, многие наши товарищи оставались лежать, звучали одиночные сухие выстрелы, это добивали тех, кто не смог подняться», — писал Н.И. Обрыньба [7, с. 420], попавший в плен под Вязьмой в октябре 1941 г. Перед нами типичная картина движения колонны военнопленных на один из сборных пунктов, лагерей, которая являла собой «дорогу смерти». «Всю колонну куда-то гонят. Кушать не дают. Достали на обочине выкопанную картошку, пока доставали — по нам стреляли. Так каждый день убивают человек 30–40», — записал 12 октября 1941 г. в своем дневнике И.А. Шаров, попавший в плен 6 октября [7, с. 419]. Примеры подобного рода — не случайность. Они составляли один из элементов «нового порядка», который захватчики установили на захваченной территории.

Готовя нападение на СССР, немецкое командование разработало планы размещения на территории Германии и Польши 790 000 пленных. Их планировалось разместить в 19 лагерях. К началу войны ни один из лагерей не был построен.

С конца июня 1941 г. до весны 1942 г. в немецком плену умерло от голода, замучено и расстреляно от 1,5 млн до 2 млн советских военнопленных. Режим питания, установленный в немецких лагерях для советских военнопленных в это время, гарантировал голодную смерть. В этом не было ничего странного. Голод, вызванный искусственно, преследовал вполне конкретную цель. Ее предельно ясно выразил фельдмаршал К. Рундштедт: «Мы должны уничтожить, по меньшей мере, одну треть населения присоединенных территорий. Самый лучший способ для достижения этой цели недоедание. В конце концов, голод действует гораздо лучше, чем пулемет, особенно среди молодежи» [2, с. 26].

Спутником голода стали повальные заболевания дизентерией, эпидемия сыпного тифа. Для борьбы с эпидемиями немцы использовали массовые расстрелы всех больных, а также заподозренных в болезни пленных. Испуганные опасностью эпидемий среди населения Германии, администрация лагерей стала проводить санитарную обработку пленных, прибывающих из других лагерей в Германию. Такая практика стала проводиться с лета 1942 г. и в некоторых лагерях военнопленных на территории СССР. В 1942–1945 гг.

положение советских военнопленных улучшилось, но процесс их истребления продолжался.

Для расследования злодеяний оккупантов на временно оккупированной территории СССР 2 ноября 1942 г. Указом Верховного Совета была образована Чрезвычайная Государственная Комиссия (ЧГК). На местах создавались республиканские, областные, районные комиссии. Акты комиссий составлялись по определенному плану, предложенному ЧГК. Пункт 3 этих актов назывался «Зверства фашистов над военнопленными».

Мы исследовали материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии Новгородской области, образованной в сентябре 1944 г. и завершившей работы в 1946 г. В 1984 г. материалы комиссии были рассекречены, как утратившие секретный характер и опубликованы в 1996 г. [4]. Анализ этих документов позволяет утверждать, что в лагерях советских военнопленных, имевшихся в каждом районном центре, крупном населенном пункте области, сознательно проводилась политика, направленная на уничтожение русских военнопленных. Так, врач больницы пос. Волот Н.К. Степанов, в заявлении ЧГК от 25 декабря 1945 г. достаточно полно описал этот механизм: 1) размещение военнопленных в помещениях, не отвечающих элементарным медицинским требованиям — свинарники, скотные дворы, конюшни, сараи, открытые места; 2) голодный паек — выдача питания 2 раза в сутки: утром — 200 гр. хлеба и вода, обед — баланда из неочищенного картофеля; 3) тяжелый физический труд; 4) издевательства охраны. «Непосильный труд, холод, голод и антигигиенические условия делали свое дело, и люди сознательно истреблялись сотнями», — заключал Г.К. Степанов [4, с. 37]. В Демянском районе в 10 лагерях для военнопленных погибли 98 680 военнослужащих РККА, Залучском — в течение года погибли 8 400 человек, Полавском — 7 344 человек [4, с. 41, 43–44, 47, 67–68].

По показаниям свидетелей военнопленные подвергались пыткам, избиениям, расстрелам. Так, военнопленные, вследствие истощения, болезней, не могущие работать расстреливались, либо добивались металлическими палками. Это подтверждено судебно-медицинскими исследованиями трупов, проведенных 25–26 апреля 1945 г. в Чудовском районе области [4, с. 95]. Из почти 100 тысяч военнопленных, уничтоженных в Демянском районе, не менее 15% были уничтожены именно таким способом [4, с. 43–44].

В ходе боевых действий в плен, пока в меньшем числе, чем красноармейцы, попадали и немецкие солдаты. «Почему они все спрашивают — расстреляют их или нет», — записал в мае 1942 г. в своем дневнике В.И. Чекалов [8, с. 153], после допроса трех немецких солдат.

Тяжело было видеть разрушенные деревни, села, расстрелянных мирных жителей. Такие картины вызывали не только гнев, но и стремление унизить противника. Зимой 1942 г. Р. Мохов в Волховстрое впервые увидел пленных немецких солдат. «Перед получением “пайки” они должны были встать на

колени и, получив кусок, громко благодарить. Все это в присутствии зевак» [5, с. 80].

Картины зверств и разрушений вызывали стремление мести. Порой бывало трудно сдержать солдат от расправ с пленными вражескими солдатами. «Я был живым свидетелем на Калининском направлении массовой сдачи фашистской сволочи в плен. Если бы ты видел, какой жалкий и жуткий вид имели эти собаки в образе человечества… Не далек тот день, когда наша армия будет бить эту сволочь на их же территории, ну и тогда, конечно, пусть не ждет ни один пощады, пусть это будет 3-месячный ребенок, я лично все равно разорву на клочки выродка этих собак…», — говорилось в одном из солдатских писем [7, с. 281]. «Мне не забыть, как у деревни Софийское (Калининская область. — *Е.И.*) молодой политрук прилаживал веревку к суку березы, собираясь казнить десятка полтора дрожащих от холода фашистских вояк, стоящих под охраной наших автоматчиков. Эти головорезы во главе с офицером сожгли деревню, расстреляли многих ее жителей. Теперь самим предстояло держать ответ перед богом и людьми. Не знаю, повесили ли тогда пленных» [3, с. 123–124].

Сталинград привел к перелому в войне, внес изменения в психологию пленных. «Пленные ведут себя уморительно: румыны ругают Антонеску, а немцы — Гитлера», — записал в дневнике В. Чекалов [8, с. 277].

Наиболее беспощадны советские военнослужащие были к предателям Родины. Летом 1944 г. у города Ярослав был захвачен немецкий обоз, но ездовыми оказались власовцы, одетые в немецкую форму. «Я приказал шоферу притормозить машину. Из кабины видно было, как Подгорбунский взял одного власовца и с силой ударил головой о броню танка. Тот замертво упал под гусеницы. Затем он выхватил из кобуры пистолет и тут же пристрелил второго пленного. Пришлось мне вмешаться в этот дикий самосуд, иначе бы разведчик прикончил всех пленных. Я подошел к нему, положил руку на плечо и сказал: “Володя, мы же не фашисты и власовцы. Пусть их судит трибунал!”» [3, с. 177].

В условиях наступления весной 1944 г. в районе г. Станислава дивизионом П. Демидова было взято в плен около 80 венгерских солдат во главе с офицером. Выделять конвоиров не стали, поскольку каждый солдат был на счету. «Написал записку тыловым службам, чтобы приняли пленных венгров в таком-то количестве. Записку вручил назначенному мною из этой группы “старшему” и скомандовал: “Шагом марш!”» [3, с. 200].

Но бывали и иные случаи. При подходе к Одеру дивизион был обстрелян. «Десантники оцепили небольшой лесок и вытащили из кустов трех пацанов из гитлерюгенда. У них отобрали оружие, но троица еще продолжала кричать “Хайль Гитлер!” Майор Прошкин гаркнул на них, чтобы прекратили свой вой, но они обнялись и запели молодежный гимн. Конечно, жалко было несмышленышей, но комиссар принял решение: “Расстрелять!”, опасаясь, что, если он отпустит их, они снова возьмутся за фаустпатроны и будут бить по нашим танкам. Жесткое решение. На войне других не бывает!» [3, с. 257].

Совсем в ином положении находились военнопленные из числа западных военнопленных. Британский лейтенант Эйри Нив, являясь командиром прожекторной батареи, 24 мая 1940 г. раненым попал в плен. После выздоровления все его помыслы были направлены на побег, к которому он готовился с товарищем: готовили запас шоколада, сгущенного молока, сардин, достали компас… Побег совершили из форта Торн, но через три дня были пойманы. За это он был подвергнут 28-дневному одиночному заключению, а также его перевели в лагерь для проштрафившихся военнопленных, который располагался в замке курфюста саксонского Августа Сильного. «У каждого офицера в этом замке на уме было только одно — побег», — писал он [6, с. 77]. В этом интернациональном офицерском лагере делали попытки побега, как отдельные узники, так и группы военнопленных. В августе 1941 г. Э. Нив пытался бежать, но был пойман уже внутри замка. Собрав свои любимые книги, запас табака, сигарет, шоколада на несколько недель, он отправился в 28-дневное одиночное заключение. «Запаса сигарет мне хватило бы на несколько месяцев, и целыми днями, если не считать часовой зарядки во дворе, я лежал на койке, курил, читал», — писал в последствие он [6, с. 98]. Третья попытка побега, предпринятая им с товарищем в Рождество, увенчалась успехом. Через несколько дней они были в нейтральной Швейцарии. За годы войны из этого лагеря «особого режима» сумели бежать не менее 20 офицеров.

Воспоминания британского военнопленного позволяют утверждать, что содержание западных пленных, прежде всего, английских и американских, разительно отличались от содержания советских военнопленных. Прежде всего, они не голодали. По линии Международного Красного Креста пленные получали продуктовые посылки до 24 кг в месяц. Только американский Красный Крест с 1 января 1941 г. до 30 июня 1944 г. отправил находившимся в плену американским и другим солдатам союзных армий, кроме солдат Красной Армии, 14 274 210 посылок, добровольцы американского Красного Креста собрали и отправили ещё 13 947 386 посылок. В них кроме еды и одежды входили и медицинские препараты [6, с. 240]. Значительную часть помощи военнопленным составляла одежда, обувь. Большую помощь военнопленным оказывали разного рода благотворительные организации, которые доставляли в лагеря книги, музыкальные инструменты, спортинвентарь, медикаменты, медицинское оборудование.

Западные пленные имели право ежемесячно отправлять по 5 писем и 4 почтовые открытки. Таким образом, находясь в плену, военнослужащий имел возможность поддерживать связь с родными, а после возвращения из плена получить статус ветеранами войны.

Список литературы

1. Великая Отечественная без грифа секретности: книга потерь / [Г.Ф. Кривошеев (рук.), В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин]. М.: вече, 2009. 380 с.

2. Двинов Б.Л. Власовское движение в свете документов: С приложением секретных документов. Нью-Йорк: Б. и., 1950. 121 с.

3. Демидов П. На службе у бога войны: в прицеле черный крест. М.: Эксмо Яуза, 2007. 317 с.
4. «…И ничто не забыто»: Документы и материалы о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на Новгородской земле (1941–1944) / Сост. Т.А Данько и др. Новгород: Кириллица, 1996. 189 с.
5. Мохов Р.М. Моя война: записки рядового необученного. СПб.: Вести, 2011. 285 с.
6. Нив Э. Побег на войну: Плен. Концлагерь. Фронт / Пер. с англ. П.А. Смирнова. М.: Эксмо Яуза, 2008. 283 с.
7. Смыслов О.С. Окопная правда войны: [1941–1945 гг.]. М.: Вече, 2008. 477 с.
8. Чекалов В.И. Военный дневник. 1941, 1942, 1943. М.: Российское гуманистическое общество, 2003. 361 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.99

ИЗУЧЕНИЕ ЧУВСТВА ВЗРОСЛОСТИ ПОДРОСТКОВ

Кирилюк Е.Ф.
преподаватель, Заслуженный учитель РФ,
ГБПОУ Некрасовский педколледж №1 Санкт-Петербурга

Аннотация: *В статье представлены результаты изучения чувства взрослости подростков, обучающихся педагогической профессии. Проведено исследование, позволяющее установить рейтинг жизненных ценностей подростков с неполным и полным общим средним образованием.*
Ключевые слова: *чувство взрослости, социальная зрелость, жизненные ценности, социально значимая деятельность.*

The study of the sense of adulthood of adolescents

Kirilyuk E. F.,
Honored teacher of Russian Federation,
Nekrasov pedagogical College №1 in St. Petersburg

Abstract: *The article presents the results of a study of the sense of adulthood of adolescents enrolled the teaching profession. A study that allows you to set the rating values of life of adolescents with incomplete and complete General secondary education.*
Keywords: *A sense of maturity, social maturity, life values, socially significant activity*

Как известно, подростковый возраст является сложным возрастным периодом развития. По мнению Л.С. Выготского в этом возрасте возникает новое представление о себе как уже не о ребенке. Подросток начинает чувствовать себя взрослым, стремится быть и считаться взрослым, что проявляется во взглядах, оценках, в линии поведения, в отношениях со взрослыми и сверстниками. Д.Б. Эльконин и Т.В.Драгунова указывают на то, что одним из главных новообразований этого периода, направляющих развитие личности подростка, является развитие чувства взрослости. Д.Б. Эльконин называет чувство взрослости особой формой новообразования подросткового

самосознания, через которое подросток сравнивает себя с другими людьми, строит с ними свои отношения и находит образцы для усвоения, перестраивает свою деятельность. Это стержневая особенность личности, выражающая новые жизненные позиции подростка по отношению к себе, людям, к миру.

Изучавшая чувство взрослости, Т.В.Драгунова отмечала следующие проявления в развитии взрослости у подростов:

- подражание внешним проявлениям взрослых (стремление походить внешне)
- ориентация на качества взрослого «настоящего мужчины», «настоящей женщины» (стремление приобрести качества взрослого)
- взрослый как образец деятельности (развитие социальной зрелости в условиях сотрудничества, что формирует чувство ответственности, заботы о других людях и др.)
- интеллектуальная взрослость (стремление что-то знать и уметь по-настоящему; происходит становление доминирующей направленности познавательных интересов, поиск новых видов и форм социально значимой деятельности, которые способны создавать условия для самоутверждения современных подростков).

В переходном возрасте возникают и оформляются нравственные убеждения, которые становятся специфическими мотивами поведения и деятельности подростка, формируется нравственное мировоззрение, под влиянием которого ведущее место в системе побуждений начинают занимать нравственные мотивы, что приводит к стабилизации качеств личности, к формированию нравственной позиции.

Целью нашего исследования, проведенного в 2016 году на базе Некрасовского педколледжа №1 Санкт-Петербурга, являлось изучение социальной взрослости у подростков с неполным и полным общим средним образованием. Мы предположили, что у подростков одного возраста, но с разным базовым уровнем образования, чувство взрослости имеет разный уровень развития.

Для выявления жизненных ценностей, стремления соответствовать качествам взрослого человека и определения социально значимой деятельности подростков с разным базовым уровнем образования мы провели анкетирование, а для выявления уровня развития социальной зрелости в условиях сотрудничества провели оригинальную проективную методику «Ситуации».

Результаты анкетирования мы обобщили и представили в таблице 1 «Рейтинг жизненных ценностей подростков с неполным и полным общим средним образованием».

Таким образом, изучив жизненные ценности подростков с разным базовым уровнем образования, выяснили, что доминирующей жизненной ценностью у всех подростков, участвующих в нашем исследовании, является семья, затем любовь, здоровье, дружба, карьера, мир, а деньги приоритетом не являются.

Таблица 1. **«Рейтинг жизненных ценностей подростков с неполным и полным общим средним образованием»**

Жизненные ценности	Подростки с неполным общим средним образованием	Подростки с полным общим средним образование
Семья	1	1
Любовь	3	2
Здоровье	2	4
Дружба	4	3
Карьера	5	6
Мир	7	5
Деньги	6	7

Основным качеством «настоящего мужчины» подростки с неполным общим средним образованием называли МУЖЕСТВО, а с полным – ЧЕСТНОСТЬ; определяющим качеством «настоящей женщины» все подростки назвали ДОБРОТУ и ЖЕНСТВЕННОСТЬ.

Образцом поведения для подростков с неполным общим средним образованием является ОТЕЦ, а с полным – МАТЬ, однако, образцом внешнего вида для всех подростков, участвующих в нашем исследовании, является МАТЬ. Среди «других» были перечислены актеры и персонажи кино и мультфильмов.

Особого внимания заслуживают результаты проективной методики «Ситуации». Студентам были предложены следующие ситуации:

- Мама просит подростка вынести из ведра мусор, но в этот момент он увлеченно играет в компьютерную игру;
- Родители ушли на работу, но попросили подростка сначала убраться дома, а потом идти гулять. Позвонили друзья и пригласили подростка на прогулку.
- Уставший после школы подросток едет в переполненном автобусе. На остановке вошла бабушка.
- Подросток стоит в очереди, заметил, что у женщины, стоящей перед ним, выпал кошелёк.
- Подросток заметил, что мужчина пытается украсть вещь из магазина. Подростки одного возраста, но с разным уровнем базового образования должны были определить, как поступит подросток в каждой такой ситуации.

Проведя анализ ответов, мы сделали вывод: развитие социальной взрослости у подростков с разным базовым уровнем образования различен (не соответствуют представления о нормах морали у подростков с неполным общим средним образованием(56% неверных ответов), более высокий уровень развития представлений о моральных нормах имеют подростки с полным общим средним образованием (30%).

Результаты анкетирования подростков с целью определения социально значимой деятельности представлены в таблице 2:

Таблица 2. **«Социально-значимая деятельность»**

Социально значимая деятельность	Подростки с неполным общим средним образованием (%)	Подростки с полным общим средним образованием (%)
Волонтерская деятельность	46	50
Защита Отечества	23	21
Общественно полезная деятельность	31	29

Следует обратить внимание на ответы подростков на вопрос «Могли бы Вы заниматься общественной деятельностью на общественных началах?» Большинство подростков ответили отрицательно (77 и 57%).

Нас интересовала проблема проведения досуга подростками с разным базовым образовательным уровнем. Результаты анкетирования представлены в таблице 3:

Таблица 3. **«Проведение досуга подростками»**

Занятия в свободное время	Подростки с неполным общим средним образованием (%)	Подростки с полным общим средним образованием (%)
Спорт	38	14
Творчество	31	50
Социальная деятельность	23	22
Другое (сидеть за компьютером, прогулки, шопинг)	8	14

Изучив уровень развития чувства взрослости у подростков одного возраста, но с разным базовым образовательным уровнем, мы выяснили, что практически по всем признакам взрослости (по Т.В. Драгуновой) показатели разные: более низкий уровень развития чувства взрослости у подростков с неполным общим средним образованием. Наша гипотеза подтвердилась. Педагогам следует обратить внимание на незрелость чувства взрослости и у подростков с полным общим средним образованием.

Список литературы

1.Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. – М., 1968.
2.Выготский Л.С. Педология подростка // Собр. Соч. В 6 Т., Т.1. – М., 1982.

3.Драгунова Т.В. Проблема конфликтов в подростковом возрасте // Психология подростка. Хрестоматия. – М., Российское педагогическое агентство, 1997.

4.Кон И.С. Психология ранней юности – М., Просвещение, 1989.

5.Обухова Л.Ф. Возрастная психология // Российское педагогическое агентство, 2004.

6.Эльконин Д.Б. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков // Избр. психол.тр.- М., 1989.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81-13

ТРАНСЦЕНДИРУЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ ЯЗЫКА КАК ОСНОВА ПРАКСИОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Аникин Д.В.
доктор филологических наук, профессор
Алтайский государственный университет
Халина Н.В.
доктор филологических наук, профессор
Алтайский государственный университет

Аннотация: *В статье коммуникативно-конструктивная текстовая деятельность субъекта рассматриваются как основа праксиологии личности, отраженной в системе языковых фактов. Языковые факты отвечают за толкование среды и толкуются в качестве специфических форм символического поведения и форм трансцендирования личности.*

Ключевые слова: *теория детерминации, детерминизм, праксиология*

The transcendental activity of language as the basis of person praxeology

Anykin D.V.
PhD, Associate Professor, Altai state University
Khalina N.V.
Doctor of Philology, Professor, Altai state University

Abstract: *In the article of communicative-textual constructive activity of the subject are considered as the basis praxeology of personality, reflected in the system of linguistic facts. Linguistic facts are responsible for the interpretation of the environment and interpreted as a specific form of symbolic behavior and forms of transcending the individual.*

Key words: *theory of determination, determinism, praxeology*

Любой чувственно воспринимаемый факт приобретает некоторый интерес и смысл, лишь включаясь в систему знаний [4], прежде всего в ее праксиологической реализации. «... В человеческом сознании формируются особые интегральные образы предметов действительности, которые возникают в результате взаимодействия и взаимопроникновения чувственных представлений и соответствующих им понятий» [4, с. 186-187]. Подобные мысленные образования можно именовать информационными системами – целостными, постоянно обогащающимися мысленными образованиями, в со-

став которых входят все новые открывающиеся признаки и свойства объектов познания.

Праксиология личности детерминируется воздействием среды. Будучи порождением эмоционального и трансцендентного видов материи, праксиология личности определяет параметры социальной формы среды. Социальная среда включает в себя разнообразные общественные факторы, которые конструируют образ жизни и мышления каждого отдельного индивидуума. Нельзя, однако, не учитывать влияние физический среды на становление человеческой и социальной индивидуальности, в понятие которой входят географические особенности, климат, количество осадков, хозяйственная основа жизни людей [3].

Знание физической среды, впрочем, как и социальной, есть знание факта, которое представляет собой не что иное, как ощущение и память - непосредственную фиксацию явленности действительности и отыскание соответствующих информативных аналогов в состоявшемся индивидуальном и коллективном опыте. Запись знания факта называется историей, существующей в двух видах: истории естественной (история фактов или явлений природы, не зависящих от человеческой воли) и истории гражданской (истории произвольных действий людей в государствах). Знание факта подкрепляется знанием последовательной зависимости одного утверждения от другого, носящего условно нормативный характер, детерминированный особенностями ментального бытия группы, этноса, человечества. Если первый тип знания поименовать эмоционально-эмпирическим, то тогда за вторым вполне обоснованно можно упрочить номинацию трансцендентно-логического знания, детерминирующего информационную базу, в которой представлены данные о специфике среды бытия и метасреды.

Языковые факты, отвечающие за толкование среды, могут быть рассмотрены как специфические формы символического поведения, формы трансцендирования – сотрудничества свободы одного субъекта со свободой другого субъекта, поскольку язык есть символическое руководство к пониманию культуры [3].

Конструктивная глубина языка, его многослойность, «трансцендирующая активность» скрывается в его формах. «На основе этих форм в сознании носителей языка складывается определенное ощущение или понимание всех возможных смыслов, передаваемых посредством языковых выражений, и - через эти смыслы - всего возможного содержания нашего опыта ... Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, есть завершенная система обозначения точно так же, как система чисел есть завершенная система задания количественных отношений или как множество геометрических осей координат есть завершенная система задания всех точек данного пространства» [3, с. 252].

Морфологическая форма не только фиксирует тот факт, что в форме предмета человек выступает в качестве знака коммуникативного процесса, но и отражает непрерывность коммуникативной материи, реализацию принципов

бытия, начал сущности, причин, выступающих факторами, конструирующими конкретную вещь.

Языковой единицей, позволяющей вскрыть сущность языкового реализма, прежде всего является синтагма – бинарная, двучленная структура, составляющие которой находятся в детерминационных отношениях и соотносятся как определяемый и определяющий [1]. Синтагма как основной структурный языковой тип воссоздает многомерность действительности на основе транспозиции - сообщении языковому знаку новой функции. Таким образом, решается основная задача пользующегося языком: приспособить «линейность языка» к многомерности окружающего мира, вытянуть из клубка действительности нить речевой цепи [5].

Коммуникативная единица языка (слово, текст, предложение, газета как языковой знак [5] в плане трансцендентного детерминизма рассматривается как вербально оформленный фрагмент целостной системы знаний о мире (когнитивного компонента). Вербализованный когнитивный компонент знания - событие, отражающее различие между «состояниями мира», или ситуациями. Событие рассматривается как частный случай отражения в сознании движущейся материи, характеризуемый инициальными и финальными состояниями. Именно в событии создается некоторая мерность, декларируемая как языковая, фиксирующая взаимодействие разных форм материи - социальной (социальная среда), биотической (физическая среда), интегральной, или трансцендентной (космическая среда), и воспроизводящая полярные состояния постоянно изменяющейся внутренне активной субстанции: концентрированная материя и рассеянная материя.

Концентрированная материя образуется за счет преобладания в ней потенциальных взаимодействий (лексема, фразеологическая единица, текст) и характеризуется наибольшим сгущением, дискретностью, связанностью элементов субстанции. Рассеянная материя образуется за счет преобладания в ней кинетических взаимодействий и отличается разрежением субстанции (частеречная принадлежность единицы, т.е. грамматическая категория, грамматические формы, словообразовательные аффиксы, предложение).

Специфической коммуникативной единицей языка следует признать текст − обладающий специфической структурой знаковый объект, обеспечивающий выполнение коммуникативной функции в соответствии с замыслом автора [2]. Коммуникативной – значит трансдуцирующей, отвечающей за проникновение в другого-себя-природу, в смысл себя-другого, в смысл бытия, в смысл действительности и истории.

Непрерывная смена ситуаций и событий действительности, маркированных предложением, воссоздается только в тексте, при конструировании которого человек выбирает из лексикона и комбинирует элементы-слова, строя сколь угодно большое число комплексов-сообщений, которые следует расценить как аналоги комплексов-систем «среда-человек». Человек приступает к моделированию языковой действительности, конст-

руированию стандартов поведения, тем самым реализует ценностную цель деятельности, свою аксиологическую ипостась: смысл деятельности в получении максимума положительных переживаний и минимума отрицательных. Текст рассматривается в качестве средства оформления наглядно-чувственных образов, фиксирующих временное развертывание бытия вещи и свидетельствующих о присутствии в тексте интегральной материи, вбирающей в себя полярные формы: 1) концентрированную материю (слово); 2) рассеянную, или элементарную, материю (частицы, предлоги, союзы, междометные слова, слова, представляющие в тексте категорию состояния); 3) массовую (инертную, «телесную») материю (предложения, синтагмы); 4) безмассовую (неинертную, «бестелесную») материю (информационные структуры; события, образы, импликации).

Список литературы

1. Ахманова О.С., Микаэлян Г.Б. Современные синтаксические теории. М., 1963. М.: Издательство Московского университета. 1963. 168 с.,

2. Каменская О.Л. Текст и коммуникация: Учеб. пособие для ин-тов и. фак-тов иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 152 с.

3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

4. Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М.: Политиздат, 1971. 271 с.

5. Ухванова И.Ф. План содержания языкового знака: Сущность и феноменология (на материале печатных средств массовой информации): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Минск, 1995. 38 с.

УДК 81-13

ТРАНСЦЕНДИРУЮЩАЯ АКТИВНОСТЬ ЯЗЫКА КАК ОСНОВА ПРАКСИОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ

Аникин Д.В.
доктор филологических наук, профессор
Алтайский государственный университет
Халина Н.В.
доктор филологических наук, профессор
Алтайский государственный университет

Аннотация: *В статье коммуникативно-конструктивная текстовая деятельность субъекта рассматриваются как основа праксиологии личности, отраженной в системе языковых фактов. Языковые факты отвечают за толкование среды и толкуются в качестве специфических форм символического поведения и форм трансцендирования личности.*
Ключевые слова: *теория детерминации, детерминизм, праксиология*

The transcendental activity of language as the basis of person praxeology

Anykin D.V.
PhD, Associate Professor, Altai state University
Khalina N.V.
Doctor of Philology, Professor, Altai state University

Abstract: *In the article of communicative-textual constructive activity of the subject are considered as the basis praxeology of personality, reflected in the system of linguistic facts. Linguistic facts are responsible for the interpretation of the environment and interpreted as a specific form of symbolic behavior and forms of transcending the individual.*
Key words: *theory of determination, determinism, praxeology*

Любой чувственно воспринимаемый факт приобретает некоторый интерес и смысл, лишь включаясь в систему знаний [4], прежде всего в ее праксиологической реализации. «... В человеческом сознании формируются особые интегральные образы предметов действительности, которые возникают в результате взаимодействия и взаимопроникновения чувственных представлений и соответствующих им понятий» [4, с. 186-187]. Подобные мысленные образования можно именовать информационными системами – целостными, постоянно обогащающимися мысленными образованиями, в со-

став которых входят все новые открывающиеся признаки и свойства объектов познания.

Праксиология личности детерминируется воздействием среды. Будучи порождением эмоционального и трансцендентного видов материи, праксиология личности определяет параметры социальной формы среды. Социальная среда включает в себя разнообразные общественные факторы, которые конструируют образ жизни и мышления каждого отдельного индивидуума. Нельзя, однако, не учитывать влияние физический среды на становление человеческой и социальной индивидуальности, в понятие которой входят географические особенности, климат, количество осадков, хозяйственная основа жизни людей [3].

Знание физической среды, впрочем, как и социальной, есть знание факта, которое представляет собой не что иное, как ощущение и память - непосредственную фиксацию явленности действительности и отыскание соответствующих информативных аналогов в состоявшемся индивидуальном и коллективном опыте. Запись знания факта называется историей, существующей в двух видах: истории естественной (история фактов или явлений природы, не зависящих от человеческой воли) и истории гражданской (истории произвольных действий людей в государствах). Знание факта подкрепляется знанием последовательной зависимости одного утверждения от другого, носящего условно нормативный характер, детерминированный особенностями ментального бытия группы, этноса, человечества. Если первый тип знания поименовать эмоционально-эмпирическим, то тогда за вторым вполне обоснованно можно упрочить номинацию трансцендентно-логического знания, детерминирующего информационную базу, в которой представлены данные о специфике среды бытия и метасреды.

Языковые факты, отвечающие за толкование среды, могут быть рассмотрены как специфические формы символического поведения, формы трансцендирования – сотрудничества свободы одного субъекта со свободой другого субъекта, поскольку язык есть символическое руководство к пониманию культуры [3].

Конструктивная глубина языка, его многослойность, «трансцендирующая активность» скрывается в его формах. «На основе этих форм в сознании носителей языка складывается определенное ощущение или понимание всех возможных смыслов, передаваемых посредством языковых выражений, и - через эти смыслы - всего возможного содержания нашего опыта ... Мир языковых форм, взятый в пределах данного языка, есть завершенная система обозначения точно так же, как система чисел есть завершенная система задания количественных отношений или как множество геометрических осей координат есть завершенная система задания всех точек данного пространства» [3, с. 252].

Морфологическая форма не только фиксирует тот факт, что в форме предмета человек выступает в качестве знака коммуникативного процесса, но и отражает непрерывность коммуникативной материи, реализацию принципов

бытия, начал сущности, причин, выступающих факторами, конструирующими конкретную вещь.

Языковой единицей, позволяющей вскрыть сущность языкового реализма, прежде всего является синтагма – бинарная, двучленная структура, составляющие которой находятся в детерминационных отношениях и соотносятся как определяемый и определяющий [1]. Синтагма как основной структурный языковой тип воссоздает многомерность действительности на основе транспозиции - сообщении языковому знаку новой функции. Таким образом, решается основная задача пользующегося языком: приспособить «линейность языка» к многомерности окружающего мира, вытянуть из клубка действительности нить речевой цепи [5].

Коммуникативная единица языка (слово, текст, предложение, газета как языковой знак [5] в плане трансцендентного детерминизма рассматривается как вербально оформленный фрагмент целостной системы знаний о мире (когнитивного компонента). Вербализованный когнитивный компонент знания - событие, отражающее различие между «состояниями мира», или ситуациями. Событие рассматривается как частный случай отражения в сознании движущейся материи, характеризуемый инициальными и финальными состояниями. Именно в событии создается некоторая мерность, декларируемая как языковая, фиксирующая взаимодействие разных форм материи - социальной (социальная среда), биотической (физическая среда), интегральной, или трансцендентной (космическая среда), и воспроизводящая полярные состояния постоянно изменяющейся внутренне активной субстанции: концентрированная материя и рассеянная материя.

Концентрированная материя образуется за счет преобладания в ней потенциальных взаимодействий (лексема, фразеологическая единица, текст) и характеризуется наибольшим сгущением, дискретностью, связанностью элементов субстанции. Рассеянная материя образуется за счет преобладания в ней кинетических взаимодействий и отличается разрежением субстанции (частеречная принадлежность единицы, т.е. грамматическая категория, грамматические формы, словообразовательные аффиксы, предложение).

Специфической коммуникативной единицей языка следует признать текст – обладающий специфической структурой знаковый объект, обеспечивающий выполнение коммуникативной функции в соответствии с замыслом автора [2]. Коммуникативной – значит трансдуцирующей, отвечающей за проникновение в другого-себя-природу, в смысл себя-другого, в смысл бытия, в смысл действительности и истории.

Непрерывная смена ситуаций и событий действительности, маркированных предложением, воссоздается только в тексте, при конструировании которого человек выбирает из лексикона и комбинирует элементы-слова, строя сколь угодно большое число комплексов-сообщений, которые следует расценить как аналоги комплексов-систем «среда-человек». Человек приступает к моделированию языковой действительности, конст-

руированию стандартов поведения, тем самым реализует ценностную цель деятельности, свою аксиологическую ипостась: смысл деятельности в получении максимума положительных переживаний и минимума отрицательных. Текст рассматривается в качестве средства оформления наглядно-чувственных образов, фиксирующих временное развертывание бытия вещи и свидетельствующих о присутствии в тексте интегральной материи, вбирающей в себя полярные формы: 1) концентрированную материю (слово); 2) рассеянную, или элементарную, материю (частицы, предлоги, союзы, междометные слова, слова, представляющие в тексте категорию состояния); 3) массовую (инертную, «телесную») материю (предложения, синтагмы); 4) безмассовую (неинертную, «бестелесную») материю (информационные структуры; события, образы, импликации).

Список литературы

1. Ахманова О.С., Микаэлян Г.Б. Современные синтаксические теории. М., 1963. М. Издательство Московского университета. 1963. 168 с.,

2. Каменская О.Л. Текст и коммуникация: Учеб. пособие для ин-тов и. фак-тов иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 152 с.

3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

4. Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М.: Политиздат, 1971. 271 с.

5. Ухванова И.Ф. План содержания языкового знака: Сущность и феноменология (на материале печатных средств массовой информации): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Минск, 1995. 38 с.

УДК 81-23

ИСТОРИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЛОВА *ДУХ* В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Ибатуллина Е.А.
аспирант кафедры Стерлитамакского филиала
Башкирского государственного университета

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению истории семантики слова дух в русском, украинском и белорусском языках на основе данных, полученных при реконструкции этимологического гнезда. Автор научной работы рассма*
Ключевые слова: *семантическое развитие, этимологическое гнездо, восточнославянские языки, реконструкция, производное, словообразовательная цепочка.*

The history of the semantic development of the world «дух» in east slavic languages

Ibatullina EA.
Graduate student department of Russian language,
Sterlitamak branch of the Bashkir state University

Abstract: *The paper is devoted to the history of the semantics of the word spirit in Russian, Ukrainian and Belarusian, on the basis of data obtained during the reconstruction of the etymological nest.*
Keywords: *semantic development, etimological nest, East Slavic languages, reconstruction, derivative, derivational nest.*

Праславянское существительное *duhъ образовано от и.-е. *dhousos, являющегося суффиксальным производным глагола *dheu ‘дуть’: *dheu → *dhou-s-os. Реконструкция ЭГ с корнем *dhou- позволила выстроить цепочку развития слова *дух* в истории русского языка: и.е. *dhous-os → *duti//*dujǫ//*dǫti, *dъmo ‘дуть, дую’ → праслав. *duhъ ‘дух’ → ст.-слав., др.-рус. доухъ//дuхъ → *дух*.

На основании наличия слова *дух* в других славянских языках можно сделать заключение о его общеславянском происхождении: ст.-слав. доухъ; польск. *duch* ‘дух, дыхание’; макед. *дух*; с.-х. *дух* ‘дух, дуновение, запах’; в.-луж. и н.-луж. *duch* ‘дух, расположение духа, восторг, память, чувство’; словен. *dûh* ‘дуновение, запах, дух’; др.-русск. и цслав. дqхъ ‘дуновение, испарение, жизненное начало, дух, настроение’; укр., белор. и рус. *дух* ‘дыхание, душа, бесплотное, сверхъестественное живое существо, воздух, запах, духота, спёртый воздух, вонь, смрад’ [1, 4, 5, 9, 10].

По данным современных толковых словарей восточнославянских языков [4, 11, 12], слово *дух* обозначает:

1) психические способности, сознание, мышление; начало, внутреннее состояние, моральную силу человека:

укр. *Випрямлений, зміцнілий духом, увійшов Начко до редакційного бюро [9, с. 443].*

бел. *Як ні шкадаваў дзед стрэльбу, але каб падтрымаць бадзёры дух у свайго таварыша, ён кінуўся ў рогат [10, с. 212].*

рус. *Ни разу дух его крутой Не ослабел перед бедой [1, с. 443].*

2) по мифологическим и религиозным представлениям – бесплотное сверхъестественное существо, оказывающее влияние на жизнь природы и человека:

укр. *Ненці вірили, що їх шамани через священні танці й співи можуть викликати духів, лікувати хворих і передбачати майбутнє [9, 443].*

бел. *Я верую ў духа, З якога дапамогай Намераў гэтак многа. Крапіва. Вольны я, бы дух палёў [10, с. 212].*

рус. *Гул несется по горам, то затихая, то разрастаясь, и кажется, что горные духи ворочают скалы и свирепо бросают их в пропасть [1, с. 445].*

3) по религиозным представлениям – нематериальное, божественное, сверхъестественное начало в человеке; душа:

укр. *Не нарадується було дух у Олексія, як узяв свою Галочку з монастиря [9, с. 443].*

бел. *Дух у забойцы – чорная сажа...[10, с. 212].*

рус. *Спи во гробе; Вдруг погасла, жертвой злобе, На земле твоя краса; Дух твой примут небеса [1, с. 442].*

4) дыхание (является устаревшим понятием – обычно употребляется в составе устойчивых словосочетаний):

укр. *А Стецько й справді мов умирав; дух йому перехопило, горло стиснуло [9, с. 443].*

бел. *«Валодзя-а-а!».. — крыкнуў я з вярбы, але вецер забіў мне дух [10, с. 212].*

рус. *Притаивши дух, не дрогнув и не спуская глаз с пруда, он (Левко), казалось, переселился вглубь его [1, с. 445].*

5) устаревшее и просторечное – воздух:

укр. *Дарку сперли якісь болі під грудьми і вона мусить схопити духу [9, с. 444].*

бел. *Праколаная камера спускала дух [10, с. 212].*

рус. *Старая няня, сидевшая у окна с чулком, вздохнула и прочитала даже, втягивая в себя дух, какую-то молитву [1, с. 446].*

6) устаревшее и просторечное – запах, аромат:

укр. *Над Асканією пливе дух розквітлих персидських бузків [9, с. 444].*

бел. *[Клопікаў] старанна выпрасаваў свае лепшыя уборы і, каб перабіць моцны нафталінавы дух ад іх, спляжыў на с[урдут] цэлую бутэлечку адэкалону [10, с. 212].*

рус. *На столе стояли стаканы, ... и сильный дух рома слышался по всей комнате [1, с. 446].*

Как видно из примеров, в восточнославянских языках *дух* может обозначать и сознание, и мышление, и душу, и воздух, и запах, и смрад и т.п., что затрудняет описание внутренней формы слова. С одной стороны, как может показаться на основании частотности использования слова, оно находится на периферии современных литературных языков и обычно употребляется в составе немногочисленных устойчивых сочетаний: *дух захватывает, дух замирает; испустить дух, дух вон; сила духа; их дух не был сломлен* и т.п. С другой стороны, в переносном употреблении слово имеет дополнительные очень яркие эмоционально-оценочные коннотации: не просто запах, но тяжёлый больничный дух, зловоние, а также может быть «вынесено» в официально-деловую (канцелярскую) сферу, например, в словосочетании *противоречить духу закона*, либо в сферу мифологии – *горные духи, вызывать духов*.

По мнению Е.В. Урысон, слова с такой развитой семантической структурой «не могут находиться на периферии языка, а, описывая их, можно обращаться к широкому кругу контекстов, конструировать собственные примеры и т.п.» [8, с. 60]. Наши наблюдения показали, что слова с такой широкой семантической структурой имеют длительную историю развития, ведущую своё начало от пра- и прото-языкового состояния, на которую повлияли и словообразовательные потенции древнего корня.

Анализ словообразовательных связей позволил сделать заключение о том, что семантическая структура слова *дух* представлена двумя группами значений:

1) первая группа связана с обозначением живого (имеющего *душу*) существа и его *душевного* состояния: ‘душа, бесплотная, сверхъестественная сущность’ → ‘жизненное начало’ → ‘живое существо’ → ‘сознание’ → ‘мышление’;

2) вторая группа значений связана с обозначением конкретных явлений: ‘воздух’ → ‘дыхание’, ‘воздух’ → ‘запах, аромат’, ‘воздух’ → ‘дуновение’, ‘недостаток воздуха’ → ‘духота’, ‘спёртый воздух’ → ‘вонь, смрад’.

Таким образом, можно с уверенностью предположить, что исконное значение слова *дух* – ‘бесплотное сверхъестественное существо’. В славянских средневековых источниках упоминаются различные мифологические духи, которых уважали, поклонялись и всячески задабривали, но и духи, в свою очередь, обеспечивали хозяина и богатством, и удачей, и процветанием скота. Так, древние славяне выделяли духов-обогатителей, атмосферных и домашних духов, духов-локусов и т.п.

В структуре ЭГ «Дух» важное значение занимает словообразовательная пара: *дух* → *душа* (духъ → дух-j-а → душа), которая является связующим звеном между живым и потусторонним миром. Как правило, душой обладают только люди, но встречаются поверья, в которых душой обладают и животные, реже признаётся наличие души у растений (деревьев, злаков, цветов) и других

природных объектов (воды, камней и др.). Таким образом, понятие ‘душа’ является главным в народной антропологии и определяется как бессмертная субстанция жизни, заключённая в теле человека и покидающая его в момент смерти. Это доказывает, что душа – показатель живого начала, живого существа.

Если есть живое начало, то оно должно обладать двумя признаками – *дыханием* (без которого нет жизни как таковой) и сознанием//мышлением как феноменом живой души человека. *Дыхание*, в свою очередь, – это процесс постоянно сменяющих друг друга действий: *вдох* (вдыхаемый поток *воздуха*) и *выдох* (при выдохе происходит выталкивание воздуха, который можно сравнить с *дуновением* ветра). Ветер, как правило, переносит запахи, которые попадаются ему на пути: это могут быть приятные запахи, передаваемые цветами, парфюмом, выпечкой и т.п., в этом случае можно говорить об аромате, а могут быть запахи, сопровождаемые духотой, смрадом и вонью (*затхлый, тухлый*).

Таким образом, реконструкция праславянского ЭГ, ведущего начало от и.-е. корня *dhou-, позволила определить происхождение и историю семантического развития слова *дух* в восточнославянских языках от праславянского до современного состояния, которую можно представить в виде цепочек: 1) бесплотная сверхъестественная сущность (*дух*) → воплощение бесплотной сверхъестественной сущности (*душа*) → обладающее душой живое существо (человек); 2) обладающее душой живое существо (человек) → душа вдувается//вдыхается в человека и проявляется через *дыхание;* 3) обладающее душой живое су-щество (человек) → наличие души у человека сопровождается сознанием и мы-шлением; 4) душа вдувается//вдыхается в человека и проявляется через *дыхание* → *дыхание* = дуновение; 5) *дыхание* = дуновение = *воздух* = *запах*; 6) *дыхание* = *воздух* = *запах* → *приятный запах* = *аромат;* 7) *дыхание* = *воздух* → отсутствие воздуха = *духота*, *затхлость* → вонь, смрад (тяжёлый *дух*).

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка / Под ред. Н.А. Никитина. Т. 5. М, СПб.: Наука, 2006. – 696 с.
2. Полный церковно-славянский словарь: В 2-х т. / Сост. Г. Дьяченко. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. Т. 1–2.
3. Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5-ти т. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. – 687 с.
4. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3-х т. Т. 1. СПб.: Типография Императорской АН, 1893. – IX с. + 1420 стб. + 49 с
5. Старославянский словарь (по рукописям X – XI вв.) / Р.М. Цейтлин, Э. Благова и др. М.: Русский язык, 1994. – 842 с.
6. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
7. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 5. М.: Наука, 1978. – 232 с.
8. Этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. / Сост. А.К. Шапошников. Т. I. М.: Флинта, 2010. – 576 с.

9. Словник української мови: В 11-ті т. / Гол. ред. І.К. Білодід. Кїев: Наукова Думка, 1971. Т. 2 – 10915 слів.

10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5-ці т. / Пад агул. рэд. К. Крапівы. Т. 1. Мінск: Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1977. – 240 с.